

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 20 ноября 2019 г.**

Текст: Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. Прочертить след в истории мира. С. 4–22

- Я встретил вас
- Andare

Слава...

«Тут не одно воспоминанье, [слышали мы только что] /Тут жизнь заговорила вновь, – / И то же в Вас очарованье, / И та ж в душе моей любовь!..» Сказать так может лишь человек, причастный к тому, о чем мы будем говорить сегодня вечером, причастный к событию, происходящему в настоящем. Действительно, мы тут не просто вспоминаем о прошлом. Так как же жизнь вновь заговорила с нами?

*Хочу рассказать тебе о потрясении, которое я испытала, читая введение. Не ожидала, что такое случится в этом году, и это было ровно то, чего желает мое сердце. Меня сразу поразило, как Джуссани говорит об Иисусе, называя Его «Человеком», «евреем Иисусом из Назарета» с Его «голосом» и чертами: «неподдельной нежностью», «безусловным уважением», «абсолютно позитивной оценкой [человеческой] судьбы» (С. 5). Эти слова пробудили во мне глубочайшую тоску по Тому Иисусу, с Которым познакомил меня отец Джуссани и Который меня «околдовал». Он «Слово, ставшее плотью», и именно Его я хочу вновь встретить в этом году, после того как я столько раз сводила Его к чему-то меньшему (да и до сих пор еще свожу)! Не существует другого Иисуса, кроме Назарянина, и я молила и молю Богородицу, чтобы в этом году она позволила мне вновь встретить и лучше узнать Его, Иисуса из Назарета, Иисуса моей встречи, Иисуса Джуссани и энциклики 1979 года *Redemptor Hominis* – моей первой школы общины. Другая вещь, тут же меня поразившая, – то, что вопрос «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» не перехватывает мое дыхание, как это было с Джуссани, а порой и вовсе ускользает от внимания. Но в начале не было так! И я спросила себя почему. Думаю, причина в привычке принимать все за само собой разумеющееся, в абстрагировании Иисуса (такой риск всегда есть в моей жизни), в том, что я не сознаю, насколько нигилизм пронизывает мое мышление. Я заметила это в связи с трагическими событиями, произошедшими в Риме. Молодой человек по имени Лука Сакки был убит выстрелом в голову – кажется, из-за наркотиков. Особенно меня потрясла реакция матери наркоторговца, спустившего курок: она сдала его полиции, сказав, что «уж лучше тюрьма, чем наркотики». Это высшее уважение «плода своего чрева», на какое только была способна та женщина в нигилистическом обществе: заявить на сына, чтобы спасти его! В свете ее поступка я осознала, что вопросы Иисуса, цитируемые Джуссани, обретают вес и ценность, они единственны в своем роде и движут мной! Никто другой в нашем мире не мог бы задать их. И потому я стараюсь смотреть на моих ребят через призму этих слов, и мое поведение меняется. Капля милосердия позволяет мне смотреть на них и видеть личности, состоящие в отношении с Тайной. Как всегда, невозможно понять Джуссани, если не исходить из собственного опыта: в такой случае Иисус и Его слова остаются абстрактными.*

То, о чем ты говоришь, кажется мне прекрасным введением в путь, который мы начинаем. Почему? Потому что ты сразу ощутила, как в тебе пробудилась тоска по Иисусу. В чем причина этой тоски? В том, что часто ты сводила Его к чему-то меньшему. Многие из нас могут обнаружить то же самое в собственном опыте. И тот факт, что ты начинаешь с желания вновь

встретить Иисуса и молишь Богородицу помочь тебе найти и лучше узнать Иисуса из Назарета, вовсе не само собой разумеется. Все мы видим, насколько далеки мы от того, о чем свидетельствовал нам отец Джуссани. Кто из нас так же, как он, воспринял вопросы, поставленные во введении? Поразительно, что на последнем этапе своей жизни он перед лицом всей Церкви выступил именно с таким свидетельством, с первых же слов заговорив о самом себе: «Что есть человек, что ты помнишь о нем, и сын человеческий, что ты посещаешь его?» «Ни один вопрос не поразил меня так, как этот» (С. 4). Если мы не читаем эти фразы по диагонали, то начинаем видеть разницу между тем, как восприняли их мы и как воспринимал их отец Джуссани. Может, он преувеличивает, может, он впал в сентиментальность, а мы реалисты? Существует целая пропасть между тем, как отзываются одни и те же слова в нем и в нас. Это касается и следующей фразы: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?.. Ни один вопрос не потряс меня так (просто перехватило дыхание), как этот вопрос Христа!» Он не говорит банальности. Преувеличивает ли он, особенно, когда утверждает: «Ни одна женщина не слышала иного голоса, который говорил бы о ее сыне с такой неподдельной нежностью и безусловным уважением к плоду чрева ее, с такой абсолютно позитивной оценкой его судьбы... Но, более того, ни один человек не мог слышать утверждение его самого как абсолютной ценности, вне зависимости от его успехов» (С. 5). Сравнив нашу реакцию на эти слова со свидетельством Джуссани, мы поймем, к какой благодати мы можем быть причастными. Все мы призваны быть причастными к его взгляду. Достаточно посмотреть, что мы ощущаем, когда идем на работу, когда все относится к нам в соответствии с нашей способностью выдавать результат, применяют к нам определенную мерку. Что преобладает в нас? Мнение о нас других людей или же этот взгляд? Если взгляд, засвидетельствованный Джуссани, не проникает в самое наше нутро, христианство остается за рамками жизни, мы не переживаем его на опыте. А оно в состоянии проникать в нашу жизнь, именно это обещает нам текст школы общины. И тут сразу же появляются вопросы.

В первом пункте введения говорится: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»...

Слава богу, что для кого-то введение не прошло незамеченным! Многие из вас в своих письмах даже словом о нем не обмолвились. Но введение играет важнейшую роль!

Отец Джуссани говорит, что это ответ на вопрос, который больше всего поразил его: «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Я хотела бы понять почему.

Почему Джуссани отвечает на один вопрос с помощью другого вопроса? Если мы об этом спрашиваем, значит, не понимаем, что этот вопрос в себе содержит. Оставим проблему открытой и посмотрим, может, в ходе школы общины мы поймем, какой в нем есть ответ.

После работы, проделанной летом на тему опыта, на Дне начала года для меня и для многих других поразительно было слышать о том, что отношение со Христом, с Тайной можно переживать на опыте. Пример с Магдалиной попал в самую точку, Евангелие, как ты сказал в прошлый раз, начало говорить. В ходе обсуждения текста у нас возник вопрос: как можно по-настоящему переживать опыт отношения с Тайной, как переживала его Магдалина? Я начала читать новую книгу школы общины, и, к моему удивлению, знаменитое выступление Джуссани стало мне отвечать. Впервые я поняла: этот текст не предназначен для интеллектуального изучения, Джуссани в нем описывает свой опыт Христа. О каком опыте речь? Об открытии того, что Тот Человек, Иисус из Назарета, единственный уловил его вопрос, его потребность в смысле («Что есть человек?»), его драму. Иными словами,

невозможно пережить опыт Христа, если ты не видишь в Нем ответ на твою драму, на твою нужду. И это не так очевидно, как кажется, ведь мы, люди, давно встретившие Движение, часто все сводим (даже того не замечая, без злого умысла) к членству в ассоциации и дальше этого не идем. Необходимо быть честными по отношению к собственной нужде, проникать в самую глубину собственной драмы, любить собственную человечность, пусть даже убогую, – вот единственное условие, позволяющее заметить невероятную новизну Христа и пережить ее на опыте как нечто уникальное, а потому желанное и искомое, а не претерпеваемое или воспринимаемое как должное. Эту новизну ты не променяешь ни на что в мире. Поэтому важно, на мой взгляд, то, что ты настойчиво говорил в прошлый раз о нашей человечности. Мое открытие может показаться маленьким, но я ему действительно рада, и именно над этим мы сейчас работаем с друзьями.

Почему я настойчиво говорил о человечности? Во всех предыдущих выступлениях мы слышали об умалениях, о привычке считать вещи самоочевидными. Что не позволяет нам свести содержание текста до простых фраз, до рассказа о прошлом, до некой абстракции, в результате чего первый же вопрос («Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?») нас не удивляет? Кто на этой неделе в изумлении смотрел на самого себя в свете этого вопроса? Кто изумился этому вопросу? Кто, читая молитву «Ангел Господень», удивился тому, что ему дана благодать осознать, что именно к нему, при всей его убогости, была обращена ангельская весть? Вопрос этот есть полноценное, совершенно положительное утверждение нашей судьбы. Понимаете? Мы повторяем фразы из книги одну за другой, сколь угодно благочестиво, но без изумления, в нас при этом ничего не шелохнется, и слова как будто не проникают в жизнь. В таком случае наше самоощущение – такое же, как и у других людей: когда все в порядке и у нас хорошее настроение, мы довольны, если же что-то не так, погружаемся в болото. И сразу становится очевидным, кого определяет нигилизм и кто, напротив, начинает отдавать себе отчет, что христианство – это не мысли, не религиозные чувства, а событие, событие, в котором он принимает участие. Не то что у Тайны не было других методов, чтобы мы ее poznали. Отец Джуссани пишет: «Бог мог бы выбрать в качестве пути для общения с людьми прямое вдохновение», – однако тут же предупреждает нас: «Этот путь отнюдь не более легкий и верный, он всегда зависит от колебаний наших чувств и мыслей». Именно поэтому «способ, который Бог избрал для нашего спасения, – событие, а не наши мысли» (Ср. С. 19–20). Посмотрим, соответствует ли это нашей человечности. У кого есть такой опыт?

Последние две недели я жила, пытаюсь как можно лучше управляться со всем (с работой, секретарскими обязанностями, дружбой, молодым человеком и т.д.). Я говорила себе: «С этим разобралась, и вот с этим, и вот с тем».

Видите, как можно отойти от сути во имя дел и даже глазом не моргнуть?

И чем больше я делала, тем больше терялась.

Чем больше ты делала, тем больше терялась!

Мои намерения были благими: я хотела ответить на каждую просьбу и на каждую нужду наилучшим образом и ничего не упустить из виду. Но «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Я чувствовала, что не счастлива, но тем не менее продолжала, как трактор, идти вперед, толком не понимая, что со мной не так. Наконец, в воскресенье месса стала «последним пунктом», который удалось воткнуть в список дел в десять вечера. А потом мне позвонила подруга: «Как ты? Где ты? Чему ты

отдаешь предпочтение во всех твоих занятиях?» Постой-ка! Чистая правда: в море дел, которыми я занималась, я действительно не предпочитала и не выбирала ничего для себя, все превратилось в сплошную гонку! И в результате я потеряла саму себя. Но где я потерялась? Что позволяет мне переживать все мои дела со вкусом, как открытие самой себя? Мне вспомнились лица моих соседок по квартире, благодаря которым я таинственным образом каждый день переживаю на опыте исключительность, как описывает ее Джуссани: то, что «отвечает исконным ожиданиям сердца, сколь бы смутным и размытым ни было их осознание» (ср. С. 16). Вот отсюда я могу начинать заново, и начинать очень конкретно! В понедельник вечером я отменила все встречи, чтобы вернуться домой, потому что без этого места я не знаю себя, не знаю высшие и самые глубокие желания сердца, которые движут мной в течение дня и позволяют наслаждаться тем, что я делаю, даже самыми скучными занятиями. Компания моих подруг для меня – настоящее Событие, «вторжение нового, дающее начало процессу... [и в итоге] „я“ начинает... замечать судьбу, к которой движется, путь, который проделывает...» (ср. С. 20). Так я понимаю, что «завишу» от этого места, и, хотя в глазах мира и отдельных моих друзей это признак слабости, для меня парадоксальным образом такая зависимость является стартовым механизмом в любом деле, ведь она возвращает мне саму себя, а значит, и заново определяет цели, ради которых я решаю действовать и действую.

«Чем больше я делала, тем больше терялась». Коротко и ясно! «В результате я потеряла саму себя». Мы сразу же замечаем, что редуцируем христианство тем или иным образом, по тому, какой эффект это производит в нас: мы теряем себя. Христианство больше того, к чему мы его сводим! Каждое мгновение мы можем проверять, живем ли мы христианством или нет: «Христианство есть событие. Нет другого слова, чтобы описать его природу: это не „закон“, не „идеология“, не „концепция“ и не „проект“. Христианство не религиозное учение, не свод нравственных норм, не совокупность обрядов. Христианство есть факт... все остальное – следствие» (ср. С. 19). В опыте мы воочию убеждаемся, что, стоит нам хотя бы на миллиметр отойти от христианства как от события, и мы тут же ощущаем на себе последствия: утрату самих себя. И чем больше мы делаем, тем больше себя теряем. Что помогает нам начать заново? От чего оттолкнуться? От факта, как рассказала ты: «Мне вспомнились лица моих соседок по квартире, благодаря которым я таинственным образом каждый день переживаю на опыте исключительность». И дело не в том, что твои подруги сами по себе являются ответом: они постоянно отсылают тебя к Тайне, и через них тебе в настоящем открывается Его исключительность. Один человек пишет мне издалека: «На последней школе общины в малой группе мы разбирали пункт „Ради спасения человека“, и я сказал, что после события Христова пришествия, случившегося две тысячи лет назад, события продолжают случаться каждый день. Не все были согласны, некоторые утверждали, что Событие было лишь одно, а все остальное – простые факты, происшествия, и, следовательно, данный пункт книги говорит лишь о том Событии – о рождении Христа [об историческом моменте, в который Он появился на свет]». Видите? Мы мгновенно редуцируем событие. Событие действительно единственное, оно совпало с Его рождением. Но оно остается в истории, как мы говорили на протяжении двух лет, читая книгу «Зачем Церковь» (проверим, как мы работали в эти годы над школой общины!). В связи с этим я хотел бы процитировать многое проясняющий отрывок из отца Джуссани: «Событие Христа [которое имело место две тысячи лет назад] происходит „сейчас“ благодаря феномену иной человечности: ты сталкиваешься с ней и с удивлением замечаешь в ней новое ощущение жизни». Все мы с этого начали. «Изначальному явлению, – продолжает отец Джуссани, – столкновению с иной человечностью и изумлению, которое она вызывает, суждено быть исходным, изначальным явлением любого момента развития» (*Dalla fede il metodo // Tracce. Quaderni 2. Milano: Coop. Ed. Nuovo Mondo, 1994. P. 39*). Если изначальное явление не повторяется постоянно, христианство

отходит в прошлое. Христианство есть событие, а если событие не остается современным, победить наш нигилизм невозможно. Действительно, в таком случае мы теряем себя. Когда же оно повторяется, мы вновь начинаем путь. Другой человек пишет мне: «Я вернулась на путь после долгих лет, в которые мое сердце перестало просить. Я прекрасно понимаю, о каком отсутствии смысла говорит Галимберти, этот риск грозит всем нам. Я тоже, будучи в Движении давным-давно, оставаясь в нем и даже участвуя в разных инициативах, существовала без смысла и проводила дни, подобно камушку, бросаемому из стороны в сторону, уносимому потоком жизни. Потом произошла встреча, выявившая всю мою нужду и всю мою неудовлетворенность. Это было в определенный момент, в определенном месте, с определенным человеком». Она рассказывает подробнее, как это случилось, и добавляет: «Так все для меня началось с начала. Я заново родилась в тридцать семь лет, когда забирала дочерей из оратория, – точно так же, как я родилась заново двадцать лет назад на террасе в Ла-Туиле во время каникул старшеклассников. В тексте школы общины говорится: „Нужно вернуть событию его онтологическое качество нового начала“ (С. 21). [Для человека все начинается со столкновения с неким присутствием. Потом он может уйти, и годы спустя, вновь обрести это присутствие, неожиданно встретившись с кем-то, кто приведет его в движение. Присутствие не остается в прошлом.] Если бы это новое начало не запустило процесс, не заставляло меня подниматься по утрам с просьбой, чтобы событие вновь происходило каждый день, я остановилась бы на факте из прошлого, на минувшей встрече. Либо такое повторение события превращается в повседневный метод, с помощью которого Христос достигает меня, либо я теряю дни моей жизни». В начале – всегда учил нас отец Джуссани – нам был дан метод всякого начала. Не то что в начале всего случилось событие, но после мы можем идти вперед самостоятельно, не нуждаясь в его повторении. Нет. «Изначальному явлению... суждено быть *исходным, изначально явлением любого момента развития*». Однако часто мы забываем об этом методе. Когда же происходит встреча, она, как мы слышали, запускает процесс и пробуждает вопрос.

В нашей группе школы общины мы спросили себя: «Как жить согласно событию, а не собственным мыслям?»

Такой вопрос возникает потому, что встреча не меняет все волшебным образом, а дает толчок процессу, в ходе которого могут возникать и различные неувязки. И поэтому вопрос совершенно закономерен. Многие из вас говорили о следующем затруднении: «Я признаю начало, но замечаю в моей жизни разделение между моими мыслями, между тем, что я признаю, и повседневным существованием». Или: «Что значит признавать Христа в самой банальной повседневности?» Еще один человек говорит о схожей сложности, признаваясь, что испытывает чувство пустоты, словно жизнь идет вперед по рельсам. Он пережил момент «вспышки», но потом все вошло в накатанную колею, не позволяющую переживать изначально новую новизну. Отсюда – ощущение удущья, протеста, ведь теперь остается лишь довольствоваться путешествием по рельсам печальной жизни: на работе, в отношениях, в браке и т. д. У других есть проблемы с простотой сердца и со способностью признавать Его, о которой говорит отец Джуссани, а точнее, с кажущимся отсутствием таковой. Что же значит заново начать описанный процесс?

На последней школе общины мы с друзьями подумали: «Иоанн и Андрей – это все мы, ведь, если мы здесь, значит, в прошлом что-то случилось, как с ними в тот день». Но, если честно, мне мало утверждать так, мне словно недостает чего-то. Я нуждаюсь в чем-то сейчас, я не могу полагаться лишь на большую или маленькую встречу, случившуюся давно. И вот что меня поразило в той странице Евангелия от Иоанна: согласно ей, многие шли со всех концов Израиля, чтобы увидеть и услышать Крестителя, но люди – говорится далее – настолько

привыкли к его манере говорить, настолько были переполнены самими собой, что и не заметили, на кого указал пророк в тот день на берегу Иордана. И тогда я понял: я в числе этих многих. Каждый день я ощущаю корку привычки, наросшую на мне, корку «уже известного», не позволяющую мне замечать происходящее. Я, подобно фарисеям, вечно пребываю в моих мыслях и мнениях, уверенный, будто для меня не существует больше ничего нового. Чего еще я не знаю? Ритм жизни отмеряется неизменными вещами: школой общины, вращающейся вокруг череды одних и тех же текстов, упражнениями, реколлекциями, продуктовым сбором, журналами «Трачче», которые благочестиво покупаешь, чтобы ни разу не открыть... Каждый день я стою на берегу Иордана и не сдвигаюсь ни на шаг. Я даже не пытаюсь перевести взгляд. Но где тогда я? Меня до тошноты утомили «незыблемые утверждения и дела», о которых говорила в прошлый раз наша подруга. Я хочу вернуть себе самого себя, желаю, чтобы эта моя рана не свела меня в могилу, а стала новым началом, когда Богу будет угодно. Помоги мне понять, от чего оттолкнуться.

Отправная точка – во вновь происходящем событии, в признании этого события, когда оно вновь происходит. Поэтому нужно быть внимательными. Вот что важно: замечать происходящее, отдавать себе в нем отчет. Часто, как говорил отец Джуссани, недостает не события, а нас! «Где тогда я?» – спрашивал ты. Что влечет за собой событие? В чем его смысл? Джуссани отвечает как раз на тех страницах, над которыми мы работаем: «Христианское событие есть факт, открывающий наше „я“ самому себе» (ср. С. 20). Что значит открывать «я» самому себе? Становление человека самим собой, «„спасение“ человека означает, что он узнает, кто он такой, узнает свою судьбу и какие надо делать к ней шаги» (Там же). Следовательно, речь не только об утверждении самосознания, но и о том, чтобы понимать, к какой судьбе и как ты идешь. Джуссани повторяет аж четыре раза: во встрече «„я“ начинает осознавать себя, замечать судьбу, к которой движется, путь, который проделывает» (Там же). И еще: событие «предстает как метод, избранный Богом, чтобы открыть человека самому себе, подтолкнуть его к окончательной ясности по отношению к тем факторам, которые составляют его личность, распахнуть к познанию собственной судьбы и поддержать на пути к ней» (С. 21). Событие не статично, это факт, приводящий в движение мое «я»: «Бог стал событием нашей повседневной жизни, чтобы наше „я“ ясно познало себя в своих изначальных чертах и нашло свою судьбу, спаслось» (С. 22). Что сделали первые двое, Иоанн и Андрей, на следующий день после встречи с Ним? Отправились на Его поиски и потом снова и снова искали Его, поскольку «такой путь требует от человека, потрясенного событием, многих усилий, пока он не поймет истинный смысл того, о чем начал догадываться; это путь взгляда» (Там же). Как когда встречаешь важного для тебя человека: ты не сидишь дома сложа руки! Что с тобой что-то случилось, видно по тому, как ты движешься в сторону желаемого. Если же так не происходит, что тогда? Тогда жизнь замирает. Когда же какое-то событие вновь делает «я» главным героем, все опять оживает. Так было с одним другом, который пишет: «Я встретил Движение в университете, но спустя много лет решил все бросить. Со мной случилась одна личная история, я обвинил в ней Бога и выбрал для себя другой путь. Как-то раз на работе у меня резко упало давление. Я перепугался. Мне поставили диагноз: стресс, тревожность. Проблема в том, что это состояние не проходило, страх усиливался, и вдруг мне вспомнились миллионы, миллиарды ужинов с моими друзьями по университету, сопровождавшихся той же самой тревогой в груди. И я узнал ее, вспомнил ее, она перестала быть незнакомой: это была жажда жизни, желание быть счастливым, та нота Шопена, которая неотступно звучит в тебе, подобно молоточку. Так страх рассеялся. Я не сразу узнал это чувство, поскольку однажды решил избавиться от прошлого. На следующий день я проснулся на заре с „молоточком“, бьющимся в груди, и пошел смотреть рассвет [что-то сподвигло его]. Солнце вот-вот должно было взойти, и у меня вырвались слова, которые я не произносил с университетской поры: „Мы до восхода солнца не спим и ждем рассвета...“ [может, и мы на этой неделе произносили

те же самые слова, но бездумно]. То, что я отбросил, внезапно стало возвращаться. Весь день я как сумасшедший искал Иисуса. С тем же порывом потом я стал искать Движение: я нуждался в друзьях, которые бы обняли меня, которые бы каждую секунду являли мне Христа присутствующего. В одиночку я бы погиб. И я их нашел. Галимберти говорил, что решение проблемы – в „золотой середине“. „Золотая середина“ – полная ерунда! Она не соответствует человеку, как не соответствует ему и другая крайность, когда совершаешь безумства, лишь бы забыться. Один только Христос соответствует!» Почему человек возвращается после того, как «избавился от прошлого»? Почему он как сумасшедший весь день искал Иисуса? Потому, что, как говорится в школе общины, от события нельзя вернуться назад, что бы ни случилось (см. С. 22). Порой именно вызовы, встающие перед нами, позволяют понять, что же с нами произошло.

Как возможно, что у тебя есть все, а через несколько мгновений нет больше ничего? Это убийственное ощущение, причиняющее боль. Я говорю от лица всей нашей маленькой общины с острова Пеллестрина, где все мы оказались жертвами катастрофы, постигшей Венецию. В тот страшный неожиданный момент я шел от своего дома к дому родителей. Я видел, что вода поднималась все выше, но про себя думал, что для нас это нормально. По дороге я все-таки молился Богородице (чей чудотворный образ есть на нашем острове). Но что-то было не в порядке, что-то было не так. Вдруг волна захлестнула остров с ужасающей мощью. Я оказался в темноте на улице, по грудь в воде. В мгновение ока моя уверенность улетучилась, и остался лишь крик: «Почему?» Я говорил себе: «Неужели на этом все? Это и есть моя нужда? Это меня определяет? Подними взгляд и посмотри в те глаза и взгляды, из которых ты соткан, посмотри на то, из чего все сотворено». И хотя боль не исчезает, я благодарен, потому что ты, община, Братство, друзья, мой отец и моя семья являются той молчаливой, но грандиозной силой, которая позволяет разрушить мое «Почему?» Я не могу этого отрицать, ведь Тайна всегда рядом и сопровождает меня. Моя дочь в момент ударной волны была одна с бабушкой, они пытались подпереть дверь своими силами, в темноте, в воде по пояс. Отойдя от паники, она призналась мне: «Знаешь, папа, я была с бабушкой, мы ничего не говорили, но начали читать „Радуйся, Мария“, чтобы Богородица нам помогла. И молитва сработала, она нас услышала, потому что, поверь, я боялась умереть». Не знаю, что сказать, знаю только, что мое отношение с Ним способно победить все, благодаря такой человечности, позволяющей продолжать жить иным, подлинным образом. Мне позвонил целый мир, целый народ молился и молится о нас. Это топливо для нашего сердца, помогающее побороть вопрос «Почему?».

Только видя Его победу перед лицом какого угодно вызова, мы сможем по-настоящему достичь уверенности, в которой так нуждаемся, чтобы пребывать в реальности. Но в то же время уверенность достигается, только если мы усердно совершаем проверку. В противном случае нельзя сказать, как мы сейчас услышали: «Знаю, что мое отношение с Ним способно победить все, благодаря такой человечности, позволяющей продолжать жить иным, подлинным образом». Вот новизна, которую Христос приносит в нашу жизнь, в наше самосознание, позволяя нам предстоять перед чем угодно. И потому крайне важно отдавать себе отчет в происходящем.

Хочу поделиться тем, что поразило меня на моей последней школе общины. Перескажу лишь пару из множества выступлений. Одна женщина описала тяжелый день, в который очень устала. Потом она созвонилась с подругой, мамой, несколько лет страдающей боковым амиотрофическим склерозом, и та ей сказала: «Нужно быть благодарными, Господь так добр ко мне». Тут же наша подруга ощутила, насколько соответствует ее сердцу такой исключительный взгляд, освобождающий и позволяющий осознать ее собственное желание.

Другая подруга, которая встретила Движение в университете, рассказала о своей двоюродной сестре. Та всегда была против Движения, а тут согласилась пообедать с ее другом из общины. После обеда сестра позвонила нашей подруге в изумлении, переполненная благодарностью, говоря, что это была исключительная встреча и что она хочет прийти на школу общины, чтобы не потерять то, с чем она встретила. Слыша это, наша подруга спросила себя: «А когда на прошлой неделе мое сердце было так притянато чем-то?» Были и другие похожие истории: на первый взгляд, ничего особенного, но они открывали «я» самому себе (и не только для рассказчиков). Через них «вторгалась новизна, дававшая начало процессу, в котором „я“ начинает осознавать себя, замечать судьбу, к которой движется, путь, который проделывает. Пока люди говорили, я понимал, что все это – такие же «заметки», как и в первой главе Евангелия от Иоанна. «Каким образом первые двое, Иоанн и Андрей... были так внезапно покорены и признали Его («Мы нашли Мессию»)? Тут есть кажущаяся диспропорция между величайшей простотой случившегося и уверенностью тех двоих. ...признать этого человека... по сути, единственной и несравненной («божественной»), было легко... Благодаря Его беспримечной исключительности... невообразимому, непредставимому, доселе неведомому соответствию сердцу» (ср. С. 16). Вот без преувеличения что происходило на нашей школе. Дальше в тексте говорится: «В любом случае речь об опыте, который нужно пережить. Такой путь требует от человека, потрясенного событием, многих усилий, пока он не поймет истинный смысл того, о чем он начал догадываться; это путь взгляда» (С. 22). На этом пути взгляда, я все больше понимаю, насколько для меня важна наша ведомая компания, потому что во мне растет осознание того, что Бог есть все во всем, оно растет несмотря на неверность, которая всегда восстает в нашем сердце даже перед лицом самых прекрасных вещей» (С. 8). Я говорю о ведомой компании, способной порождать, благодаря тому, что у нас есть отец, который напоминает, что самое важное – узнавать Христа в настоящем! Движение порождает меня, пробуждая во мне внимание к происходящему. Так я признаю отцовство в моей жизни: ты со мной, даже когда ты далеко, поскольку ты, никогда не сдаваясь, ставишь меня перед вопросом, от которого захватывает дух: ««Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Благодаря этому во мне пробуждается религиозное чувство, а значит, и стремление признать Его, и вся реальность начинает говорить. Сегодня я лучше понимаю твои слова, которые ты так часто повторял: «Авторитет заключен в нашем опыте».

Авторитет действительно заключен в опыте, который мы переживаем, и именно это нас покоряет, как покорило Иоанна и Андрея! Почему они сразу же были покорены? Они оказались перед авторитетом, перед ни с чем не сравнимой исключительностью. И такой опыт нам необходим, поскольку, когда человек его переживает, он не может не задействовать всю свою человечность. Это и есть событие: факт, так явно пробуждающий наше «я», что ты уже не остаешься вне игры, а начинаешь двигаться, вступаешь на «путь взгляда» и учишься день за днем признавать Его исключительность повсюду, чему мы стали свидетелями сегодня вечером. Такое обещание дает нам школа общины, которую мы начали. Нужно не просто перечитывать текст и заучивать определенные идеи, нужно переживать тот же самый опыт, какой пережили Иоанн и Андрей и другие люди, встретившие Его, нужно вновь пережить «то, что произошло с ними изначально: не „как оно произошло изначально“, а „то, что произошло изначально“, – столкновение с инаковой человечностью, в которой обновляется то же событие, что привело их в движение в начале» (*Dalla fede il metodo*. P. 42). Не будь это так, христианство представляло бы собой лишь факт из прошлого, лишенный всякого интереса для жизни сегодня. Отец Джуссани дает нам простой критерий, который позволяет проверить, признаем ли мы Его: «Истинность подобного признания доказывается тем, что жизнь... обретает окончательную, упорную способность радоваться» (С. 6).

Следующая школа общины состоится в среду, 18 декабря. Продолжаем работать над книгой «Прочертить след в истории мира». В ближайший месяц будем читать пункты 3–6 первой главы (С. 22–37). Напоминаю, что на итальянском сайте Движения, в разделе «Школа общины» выложены аудиозаписи текстов, над которыми мы работаем.

Рождественский плакат. В качестве изображения в этом году мы использовали деталь картины Караваджо «Поклонение пастухов». Первый отрывок воспроизводит хорошо знакомый нам диалог Безыменного и кардинала Федерико из «Обрученных» Алессандро Мандзони, к которому мы неоднократно обращались к нему в эти годы:

«Увидев входившего Безыменного, Федерико с приветливым и ясным лицом пошел ему навстречу, раскрывая объятия, словно желанному гостю:

– Мне уже давно и не раз следовало посетить вас.

– Вам меня? Знаете ли вы, кто я? Верно ли вам назвали мое имя?

– Позвольте мне, – сказал Федерико, порывисто беря за руку Безыменного, – позвольте мне пожать эту руку...

С этими словами он обнял Безыменного; тот, сделав попытку уклониться, на мгновение задумался, но потом уступил, словно покоренный этим великодушным порывом, и тоже обнял кардинала. [Затем] высвобождаясь из объятий, Безыменный воскликнул:

– Боже истинно великий! Боже истинно милосердный! Теперь я узнаю себя, понимаю, кто я...

– Не подумайте, что с меня довольно на сегодня этого вашего посещения. Вы вернетесь, не правда ли?

– Вернусь ли я? – отвечал Безыменный. – Да если бы вы прогнали меня, я, как нищий, упорно стоял бы у ваших дверей. Я должен говорить с вами, слышать, видеть вас! Вы мне необходимы!»

Вторая цитата – слова отца Джуссани из новой книги школы общины:

Событие христианства имеет вид встречи с реальностью физической, телесной, сотканной из времени и пространства. Это встреча с настоящей, живой, совершенно человеческой реальностью, исчерпывающий смысл которой в том, что она есть видимый знак присутствия Христа, Бога-ставшего-человеком... в брэнности человеческой особи. Эта встреча – то, что неизменно структурирует нашу жизнь, придает смысл и целостность нашему существованию. Кроме нее в жизни нет иной возможности осознавать новизну.

Плакат – хорошая возможность помнить и свидетельствовать о том, что нам дорого.

Сбор средств. Все мы в курсе драматичной ситуации, в которой оказались многие области Италии, в особенности Венеция, в результате наводнения. Об этом рассказал и наш друг из Пеллестрины. Все мы хотим помочь пострадавшим и, в первую очередь, поддержать в нужде наших друзей. Поэтому Братство, опираясь в том числе на опыт последних лет, предлагает всем самый существенный способ – участие в общем фонде. Это первый шаг помощи: каждый посредством того, что отдает в общий фонд, вносит вклад в разрешение общих нужд. А те, кто переживает затруднения, знает, что может обратиться за помощью к Братству. Братство уже оказывает сообразную помощь нашим венецианским друзьям.

Хорошей работы!
Veni Sancte Spiritus